

Ак - Патр Чугашвили

Джекпот

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ак – патр Чугашвили

Джекпот

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Чугашвили А. А.

Джекпот / А. А. Чугашвили — «ЛитРес: Самиздат», 2018

"Джекпот" - это история взросления, история инфантильного мужчины, случайно открывшего для себя неприглядные стороны жизни...Содержит нецензурную брань.

© Чугашвили А. А., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

1.	5
2.	7
4.	12
5.	16
6.	20
7.	23
8.	27
9.	30
10.	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

1.

У входа в здание плавно кружился разноцветный пластиковый пакет. Робко переминаясь с ноги на ногу, я почувствовал сильное желание развернуться, добежать до автобусной остановки, и уехать домой. Мрачная решимость, с которой я ехал на это собеседование, куда – то улетучилась. Стоило мне только приблизиться ко входу в зал игровых автоматов, как я почувствовал сосущую пустоту в животе... Чтобы успокоиться, я глубоко вдохнул, задержал дыхание, затем резко выдохнул. Прodelав это дыхательное упражнение несколько раз, и не ощутив нужной уверенности, я громко сплюнул, и поднялся на крыльцо, подумав про себя – да плевать! Что мне, в первый раз приходится слышать «нет», что – ли? Нет, так нет. Отточу технику продаж... Уже два года оттачиваю, а она до сих пор тупая, ещё несколько месяцев ничего не изменят. Я решительно рванул входную дверь на себя, и вошёл внутрь. Вошёл и остановился, оглушённый массой непривычных звуков, атаковавших мои органы чувств. Ласковое, манящее журчание игровых автоматов, напоминающее мелодичный звон, издаваемый ручейком струящихся золотых монет, перебивалось громким грохотом ambient – музыки, доносившимся из трясущихся от злобы колонок, подвешенных на уровне потолка с обеих сторон от входа. Перекрикивая музыку, кто – то громко, и матерно орал, обвиняя автомат в проигрыше. Сизый табачный дым застилал видимость, и клубился плотными, осязаемыми слоями. Я нерешительно замер, испытывая сильное желание убежать отсюда, и никогда больше не возвращаться. Стоявший за стойкой бармен, заметил мою нерешительность, и гадко ухмыльнулся. Я резко выдохнул, и решительно сказал.

– Здравствуйте! Мне нужен Сергей Борисович.

Служитель Бахуса смачно плюнул на омерзительного вида тряпку, неспешно протёр ею пивную кружку, и степенно произнёс.

– Вон он, за столиком сидит.

Я оглядываю помещение. Справа от входа находится бильярдный зал, игровые автоматы стоят вдоль стены слева, по центру располагается бар. Ну? И где сидит этот «Сергей Борисович»? Я недоумённо смотрю на бармена, он показывает глазами куда – то вправо, и вбок. Я оборачиваюсь, и вижу нечто похожее на небольшой грот, внутри которого стоит круглый стол. За столом сидит человечек, и уныло смотрит в кружку с чаем. Я поднимаюсь по лесенке (к столу ведут три, стилизованные под морские волны ступеньки), и присаживаюсь на свободный стул.

– Здрасьте!

– Добрый день! Заблудились?

– Да...немного...

– Образование?

– Педагогическое.

– Света! СВЕ – ТА! – человечек громко, и натужно орёт, – Свеее –еета! От усилия, на его шею вздуваются голубоватые вены. На его крик, из коридора слева, появляется разбитная девка с немного перекошенным в левую сторону лицом.

– Чё?

– Брзжеженарь, какой предмет преподавала?

– Литературу. Узбекскую. На русском.

– Ммм...понятно. Соню позови. Пусть полы протрёт, а то нахаркано тут. Литературу...А вы,... какой предмет вели в школе? – он оценивающе смотрит на меня водянистыми глазами.

– ОБЖ.

– Это что такое?

– Остриги Барану Жопу.

Человечек давится чаем, и начинает натужно кашлять. Я привстаю, и хлопаю его по спине, раз, другой, третий. Он делает взмах рукой – довольно!

– Как? Как вы сказали – остриги...

– Профессиональная шутка. ОБЖ – это Основы Безопасности Жизнедеятельности.

– Аааа... юморист! Это хорошо. – его лицо недовольно съёживается в некое подобие куриной жопки, и я понимаю, что шутить больше не надо.

– Я хотел спросить. А возможность карьерного роста, у вас есть? – выдаю я фразу, прочитанную в руководстве для лохов, напряжённо ищущих работу. Авторы брошюры утверждали, что работодатели любят инициативных, амбициозных, брызжущих оптимизмом соискателей.

Он неторопливо помешивает ложечкой в кружке, и заинтересованно смотрит на результат. Интересно, что он ожидает там увидеть? Через длительную паузу, он отвечает.

– Перспективы головокружительные! Вы начнёте работать оператором, а через несколько лет (при условии, что будете исполнительно, целеустремлённо трудиться!), сможете стать администратором.

– А потом?

– Что потом?

– После администратора?

– Что «после администратора»?

– Ну, следующая ступень карьерной лестницы?

– Какая «следующая ступень»? Всё. Администратор – это потолок.

– Ааа. Понятно – зачарованный открывшимися передо мной «головокружительными перспективами», я восхищённо замолкаю.

– Что касается зарплаты...

– А что «касается зарплаты»?

– Она небольшая, тринадцать тысяч. Но... все идут сюда работать не из – за зарплаты, а из – за чаевых, верно? – он тщательно исследует моё лицо своими выпцветшими глазками.

–?!

– Верно? – с нажимом спрашивает он.

– ... Не знаю... мне просто нужна работа, хоть какая –нибудь...

Он утомлённо закрывает глаза, подносит кружку ко рту, и с наслаждением отхлёбывает содержимое, сделав глоток, он вытягивает губы гузкой, и нежно прижимает их к ноздрям.

– Я прошёл собеседование?

Он откидывается на спинку стула, глухо вздыхает, и ещё раз отхлёбывает из кружки (всё это, он проделывает, не открывая глаз).

– Когда мне выходить на работу?

Он негромко, и раздражённо бормочет что – то невнятное, до меня долетают только окончания слов – «йа...ню».

– Что, простите? Вы хотите видеть меня «ню»?

– Я позвоню! – неожиданно рявкает он.

– А! А... работать я буду здесь?

– Я позвоню!

– Ладно. Тогда... я пошёл? До свидания! – я неуверенно встаю со стула, Задовский роняет голову на грудь, поглаживает губами ноздри, и что – то быстро и неразборчиво говорит. Я смотрю на бармена, тот дёргает головой, показывая мне, чтобы я уходил как можно быстрее. Заинтригованный таким необычным собеседованием, и личностью интервьюера, я выхожу из здания, и аккуратно закрываю за собой дверь.

2.

Атлетично сложенный инструктор, облаченный в белоснежный спортивный костюм, раздражённо крикнул, – ну? Где вас носит? Быстро в строй!

Я протискиваюсь в строй, и в наступившей тишине неприлично громко звучит басовитое бульканье в моём кишечнике.

– Бойцы! Я...

Я поднимаю руку вверх – разрешите отойти... в туалет? Живот крутит...

– Идите! Только быстро!

Я бегу в туалет, высоко задирая колени, задорно выпуская газы, и сладко улыбаясь всем, кто провожает моё дефиле недоумёнными взглядами. Минут через десять, я выхожу на улицу, облегчённо отдуваясь – теперь я готов к подвигам, ну, и где мой отряд? Огромное количество молодых, здоровых мужчин, одетых в разноцветные спортивные костюмы, хаотически перемещается в разных направлениях. Отряд в синих костюмах быстро бежит на юг, разминая кисти рук на ходу. В противоположном направлении двигается гусиным шагом отряд красно костюмных молодцов. Я смотрю на свои плечи, они обтянуты костюмом жёлтого цвета, понятно, значит я – крем – брюле. Я ищу взглядом костюмы схожего цвета, и вижу что – то похожее, далеко – далеко на западе. Я пытаюсь побежать в нужном направлении, но дорогу мне преграждает отряд, облаченный в костюмы цвета маренго, они слаженно, под счёт инструктора, делают отжимания, и воинственно выкрикивают какие – то слова. Я прислушиваюсь. Что? Не может быть... это же...

– Голубая луна! Голубая луна! Как никто его любила...

Я отчаянно пытаюсь пробиться к своим, но это просто невозможно, десятки тысяч атлетов создают высокоорганизованный хаос, преодолеть который у меня не получается.

– Илюша? И ты здесь?

Я оборачиваюсь, и вижу свою школьную учительницу физкультуры. Она что, ещё жива? Ей должно быть лет девяносто, но нет, она выглядит так же, как и двадцать лет назад.

– Ну? Что ты стоишь, как хуй на именинах?

– Светлана Викторовна,... Что за выражения? Вы же никогда не матерились...

– Быстрее! Беги за мной! Сейчас найдём твой отряд.

Я бегу за ней, её движения легки и грациозны, у меня возникает ощущение, что она бежит, не касаясь земли ногами. Очень скоро я начинаю выдыхаться, чувствую покалывание в боку, и в этот момент мы оказываемся в месте, отгороженном бордовыми помостами, образующими букву «п», на верхней и боковых частях которой, расположились духовые оркестры. Одетые в чёрные смокинги, музыканты, свирепю надувая щёки, выводят какую – то балканскую мелодию, похожую на ту, что обычно звучат в фильмах Кустурицы. Прямо на земле, подложив левую руку под голову, на боку, возлежит полнотелая брюнетка. Она делает приглашающие движения правой рукой, я иду к ней, очарованный красотой сильного, аппетитного тела. Неспешным, ласкающим движением, я откидываю коротенькую юбку вправо, и чувствую, как у меня внутри всё сладко обмирает. У неё именно такие ноги, как я люблю – гладкая, атласная кожа, под которой играют сильные мышцы. Прекрасные, твёрдые на взгляд и на ошупь, идеально вылепленные икры, пленительно полные бёдра, эстетически выверенная линия перехода бедра в ягодичную мышцу... Очень тактично, медленно, пальцами правой руки, я отодвигаю в сторону невесомые, кружевные трусики, и нежно ввожу в неё указательный палец левой. Она закусывает нижнюю губу, и со стоном закатывает глаза. Оркестр убыстряет ритм, бухают ударные, духовые завывают со скоростью пульса. Брюнетка оттягивает платье на груди, освобождая розово – белых близняшек. Я сжимаю зубами сосок правой груди, вызывая второй сладкий стон незнакомки...

– Илюша! Прекрати немедленно! Что ты себе позволяешь? Это же Нина Ивановна из окружного департамента образования, она инспектирует наше сегодняшнее мероприятие, а ты... Как тебе не стыдно! Сейчас же одень на Нину Ивановну трусы! Не позорь наше ГБОУ!

– Я не уроню престиж нашего ГБОУ, Светлана свет Викторовна! Наоборот! Наш рейтинг вырастет! Он уже растёт! Я это чувствую!

Я мягко ласкаю клитор мадам инспектора круговыми движениями большого пальца правой руки, не забывая совершать поступательные движения внутри её пленительного лона пальцами левой. Она прерывисто дышит, и крепко держит мою левую руку, не позволяя мне остановиться, и прервать процесс. Оркестр играет триумфальный марш из «Аиды», инспекторша подносит губы к моему уху, и чуть слышно шепчет – главной задачей нынешнего момента, является развитие личностных компетенций учащихся...ooo, также надо обратить внимание на формирование у них чувства патриотизма и...oooo!

Очень тактично, с полным уважением к занимаемой должности, и статусу, я ввожу в неё свой дивный член, оркестр наяривает рамштайновскую Du Hast... противная трель телефонного звонка вырывает меня из этого волшебного сна. Я сажусь на кровати, откидываю одеяло, на вздыбленных трусах расплзается тёмное, быстро увеличивающееся в размерах пятно.

– Алло?

– Это Задовский. Ты работаешь?

– Я? Вчера работал в Жуковском, сегодня ещё не знаю...кремов не хватает...надо в офис заглянуть...

– Какие крема? В зале игровых автоматов работаешь, или нет?

– Ааа...нет, не работаю...

– Хорошо. Завтра выходи на смену. Зал у станции метро Бибирево. В восемь утра. Вопросы?

– Как его найти?

– Найдёшь. Над ним наша вывеска, большая, красивая, издалека видна.

Я бросаю телефон на прикроватную тумбочку, из – под одеяла выглядывает мятое, красное лицо жены.

– Козёл! Десять лет женаты, трое детей, а у него поллюции! Кого на этот раз оттрахал? Директрису? Завуча? Может уборщицу?

– Проверяющую из департамента.

– О! Растёшь! Карьера идёт в гору! Министерство образования на очереди! Ты когда семью кормить будешь, урод?

– Завтра начинаю...

– «Начинаю» – передразнивает меня она, – пока что, больше кончаешь, дебил! Трусы переодень, перед детьми стыдно!

3.

Переполненная маршрутка исторгла меня из своих недр. Отряхнув оттоптаннные ноги, и помассировав отдавленные бока, я пошёл по направлению к большой, трёхцветной (зелёный, жёлтый и красный – цвета компании) вывеске. Павильончик располагался южнее станции метро. Небольшое, обитое грязно – серым сайдингом здание, с синей кабинкой биотуалета сиротливо прижавшейся к правой стене. Параллельно располагался павильончик компании – конкурента (красно – синяя эмблема), за ней продуктовый магазинчик, затем станция метро. Помассировав переносицу, я открыл дверь в помещение, висящие над дверью колокольчики издали полузадушенное, жалобное позвякивание. Высокий смазливый парень в коричневой жилетке с логотипом компании на правой груди, нехотя встаёт с высокого (похожего на те, что бывают в барах) стула, – Закрыто! Через сорок минут приходи, сейчас пересменок. Слава! Какого...дверь открыта? Хочешь, чтобы нас всех угрожали тут?

– Я не игрок, я – оператор, мне позвонили,...сказали выходить на смену...

– Ааа, ладно... здорово, меня Андрей зовут! – он протягивает мне руку, ладошка у него вялая, и влажная.

– Илья.

– Слушай, короче... жилетку мою не бери, езжай в офис, получи свою,... а то, как не придёшь, вся жилетка в перхоти... не хватало ещё псориаз подхватить... лады?

– ?!

– Чего молчишь? Хорошо? Хорошо. Вот и славненько! – обращаясь к кому – то мне невидимому мне, он продолжил начатый до моего прихода разговор – о чём я говорил? А! Так вот, ты же знаешь, я живу в одном доме с Киркоровым, еду я в прошлый раз со смены, окна открыты, музыка включена на полную, влетаю под арку (у нас въезд во двор через арку), а там толпа фанатов, бросаются к моей машине, визжат, рвут на себе одежду, голые груди, животики, экстаз!

– Чего это они? – откуда – то справа, из полумрака выступает девушка потрясающей красоты (распущенные светлые волосы струятся по сильным плечам, широко открытые глаза с ослепительно белой склерой, и ярко – голубой радужной оболочкой, ровный аккуратный нос, и полные, манящие губы довершают картину).

– Как чего? С Филей меня перепутали! Не поняла, что ли?

– А! Вон оно что – она равнодушно скользнула по мне взглядом – Андрюш, чего мне делать – то?

– С чем?

– С Вовой... я больше так не могу, у меня маленькая дочь, мужа нет – она томно потянулась, выпятив внушительную грудь – я одинокая, работающая девушка, а он каждую смену недостатки устраивает, я Серёже скажу, пусть убирает его, или я увольняюсь! Не могу терпеть больше!

– Скажи...

– А тебе всё равно? Да?

– Слушай! Я вспомнил! Мне в сервис надо! Подвеску проверить! Всё! Я побежал! – он звучно чмокает красавицу в губы, быстро скидывает жилетку, хватая стоящую на стуле спортивную сумку, и выбегает из зала, сопровождаемый печальным перезвоном колокольчиков.

– Как всегда... сволочь трусливая... с Киркоровым его перепутали,... как будто Киркоров ездит на лоховской шестёрке – задумчиво комментирует бегство Андрея грустная красавица – Леночка, ты кассу посчитала?

– Посчитала. Всё в порядке.

– Ну, тогда я пошла, чаушки! – она проходит рядом со мной, и мимолётно задевает меня округлым бедром. Сначала, меня бросило в жар, затем накатило чувство блаженной слабости, руки и ноги наливаются тяжестью – Боже мой, вот это женщина! Никогда, даже в самых блаженных мечтах я не мог себе представить, что...

– Ну? Чего ты встал? Молишься, что ли? – грубый окрик хлещет меня по ушам, словно мокрой тряпкой – иди сюда, смену принимай!

Я вхожу в кассу, на стуле сидит существо с серым лицом, на котором нет никаких признаков косметики. Уныло опущенные вниз уголки губ наводят меня на мысль, что существо находится в предынсульном состоянии. Плохо промытые волосы собраны в небрежный пучок, лицо (если ЭТО можно назвать лицом) выражает тоску и брезгливость, водянистые глаза пылливо смотрят в район моего носа, и тут же перебегают куда – то в сторону. Я протягиваю существо руку, и как можно галантнее произношу – Илюша!

– Ну,... давай ещё целоваться... – она издалека помахивает мне узкой ладонью – Елена... Ивановна!

– Очень приятно... Елена... Ивановна.

Она начинает инспектировать меня, нудным голосом, нехотя выталкивая слова изо рта, гнусаво растягивая окончания.

– С кассой работааать...умееешшш?

– Да.

– Давааайй, сделай зед – отчёттг...

Я выполняю распоряжение начальницы.

– Мммм, хорошшшоо. В автоматааахх разбираешшшсся?

– Атроники, Новоматики...

– Мммм, лладнноо...иди, автомаатты протррии, тряпка там, увидишшшш...

Я выхожу из кассы, испытывая такие же ощущения, как человек, который вместо красного вина, по ошибке выпил бокал чернил. Вот почему мне так везёт? Вместо того чтобы дать мне в напарники ту, неземную красавицу, Задовский подкинул мне эту, покрытую тиной кикимору...

– Ты что таммм? Опять спишш? – мадам горгулья возвращает меня в реальность – давай быстрее, с Алтуфьево звонили, Серёжжжа едет...

Я протираю тряпкой все блестящие части игровых автоматов, расставляю стулья, быстро смахиваю, мусор с пепельниц, суечусь как старая дура в ожидании визита молодежавого, подтянутого пенсионера, и в этот момент в зал, развалистой походкой входит Задовский. Увидев меня, он на мгновение замирает, недоумённо рассматривает меня левым глазом, словно голубь, нашедший кусок хлеба на помойке, затем заходит в кассу. Я напряжённо прислушиваюсь, и до меня доносятся визгливые, булькающие звуки, примерно такие издаёт касатка поперхнувшаяся тюленем. Я заглядываю в окошко кассы, и вижу согнутую фигуру Елены. Ивановны, она негромко бьётся головой об стол, и издаёт те самые, жуткие звуки, привлёкшие моё внимание. Меня пронзает мысль, что человеку плохо, у неё приступ, возможно эпилептический припадок! Срочно требуется помощь! Я дёргаю ручку двери, дёргаю раз, другой, дверь не поддаётся, я ожесточённо стучу – Лена! Что с тобой! В этот момент, я вспоминаю, что внутри находится Задовский – почему он так пассивен? Почему не поможет ей? Я снова заглядываю в окно, и вижу блуждающую на его губах, ироничную улыбку. Он её ударил, а теперь наслаждается её страданиями! Урод! Ей требуется помощь, её надо спасти от этого злобного карлика! Я опять пытаюсь открыть дверь, тяну её на себя, и в этот момент Елена, задыхаясь, говорит – Охх, Сергей Бориссовиччч, вы такккой остроумный...это ччто – то...шшшшутникк...меня ажж согнулло от смехха...

Я сконфуженно отступаю от двери, Задовский напряжённо рассматривает меня через стекло, и что – то негромко говорит согнутой Елене Ивановне, та сдавленно булькает (так фырчит кулер, при попытке нацедить из него стакан воды), и снова начинает колотиться об стол. Я убеждаюсь, что её жизни и здоровью ничего не угрожает, и отступаю в глубь зала. Через пару минут Задовский выходит из кассы, и своей разбитной походочкой (морячок вразвалочку сошёл на берег) подваливает ко мне.

– Ты кто? – указательный палец его правой руки вытягивается в сторону моего носа, и останавливается в нескольких миллиметрах от его кончика.

– Илья, оператор.

– Откуда ты взялся, Илья, оператор?

– Да я...я был на собеседовании с вами...в Дегунино...пару недель назад,...а вчера вы мне позвонили, и сказали выходить на смену...сюда...сегодня...вот...

– Да? Не припоминаю. Ну...ладно. Почему без формы? Что это за панковская фуфайка на тебе?

Я смотрю на себя, пытаюсь увидеть себя его глазами. На мне обтягивающая (чтобы выгодно подчеркнуть бицепсы и грудные) чёрная футболка с белой надписью «Rearer» на груди. Панковского в ней столько же, сколько в кокошнике и лаптях.

- Да я...
- Жилетка твоя где?
- У меня нету...
- После смены едешь в офис, получаешь форму, пока одень вот эту – он показывает пальцем на висящую на спинке стула жилетку киркоровского клона Андрея.
- Но...
- Без «но», просто одень. Автоматы протри, пепел стряхни, стекло кассы пальцами захватано, тоже протри, затем садись выигрышные комбинации изучай, приеду – проверю.

4.

Здоровенный дядька – охранник лихо подкрутил правый ус, подмигнул мне, затем перевернул двустороннюю табличку (открыто – закрыто) на двери, и провернул ключ в замочной скважине – поехали! Поехали мы не очень быстро, часов до двенадцати, посетителей в зале не было. Охранник пил чай с финиками, мечтательно вздыхал, читал книгу о «Вкусной и здоровой пище», задумчиво чесал мощный, покрытый складками затылок. Елена Ивановна сидела в кассе, уставившись взглядом в одну точку, я читал инструкцию для операторов игрового зала, потихоньку проникаясь важностью и значимостью своей новой работы. Жалобный звон колокольчика наполнил меня свирепой радостью – наконец – то! Клиенты! Их было двое – мужчина и женщина, я радостно бросился к ним – здравствуйте! Проходите!

Напуганные моим ретивым гостеприимством, они ошалело отпрянули назад – чё? А? Бля, напугал... новенький, что – ли?

– Первый день.

– Ааа... ффу, вот чёрт...

Они прошли в самый конец зала, он плюхнулся на стул, она осталась стоять. Я подошёл к кассе – чего мне делать – то?

Елена Ивановна моргнула, и посмотрела сквозь меня – а?

– Я спрашиваю, чего мне теперь делать? Предложить им чаю?

– Кому?

– Да им, клиентам!

– Этим? Они чай не пьют.

– Может, коньяку?

– Этим? Уродам? Перебьются.

От безделья, я стал наблюдать за «уродами». Он играл по мелочи, раздражённо хватая себя за волосы на висках каждый раз, как проигрывал. Постепенно, жидкая волосаяная поросль на его висках вытянулась параллельно полу, образовав две засаленные пики, воинственно торчащие в стороны. Она расстегнула пальто, выкатив наружу здоровенный арбуз живота (месяц шестой – седьмой), понаблюдав за игрой минут пять, она вышла из зала, и быстро вернулась с пивной бутылкой в правой, и сигаретой в левой руке. Через полчаса, он начал яростно стучать по автомату кулаком, охранник аккуратно отложил в сторону кулинарную «Кама – сутру», подошёл к нему со спины, потыкал негнувшимся сарделеобразным пальцем в плечо, и что – то внушительно прошептал на ухо. Азартный тип капитулянтски вздел руки вверх, и начал горячо убеждать охранника в чём – то, периодически прижимая руки к груди. Его беременная подруга сбегала до магазина ещё раз пять, педантично выстраивая батарею из пустых бутылок на тумбочке перед автоматом. Пиво оказало на неё своё магическое воздействие, она стала тыкать спутника пальцем в плечо, и нудно завывать – своолоччь, ты же своолоччь... ну дай... дай мне денежек... всё равно всё проиграешь... ведь проиграешь... дай мне денежек... дай...

Он честно терпел целых пять минут, затем стал отмахиваться от неё правой рукой, не забывая нажимать на кнопки левой – отвали, у тебя свои есть, вот на них и играй!

– Дай денежек... дай... сволота ты такая... дай!

– Не дам! На свои! На свои!

– Дай! Дай! Дай!

– На свои! На свои! На свои!

Словно зачарованный, наблюдал я за любящими супругами, будущими родителями, умиляясь их нежной, негромкой любви.

После обеда зал стал потихоньку наполняться, в основном это были работяги, в поисках удачи зашедшие сунуть в автомат сто рублей, и разочарованно чесавшие затылки после проиг-

рыша. По – крупному не играл никто, автоматы звенели, имитируя сладкую дробь, издаваемую низвергающимся золотым водопадом, барабаны с изображениями различных фруктов, корон и прочей чепухи, бешено крутились, очень скоро вызвав у меня приступ головокружения. Часов в пять, в дверь ворвался средних лет мужичок в развевающемся чёрном плаще, поглядев на меня дикими глазами, он плюхнулся на ближайший стул и проорал – коньяку!

Елена Ивановна открыла дверь в кассу, и стала ожесточённо махать руками – иди сюда! Смени меня! «Чёрный плащ» пришёл! К нему подход нужен! Ты не сможешь!

Я занял место в кассе, Елена Ивановна сбегала в кладовку, нацедила бумажный стаканчик бурой бурды, и подбежала к «Чёрному плащу» – вот ваш коньяк, пейте на здоровье, любимый вы наш, Пётр Иванович!

Пётр Иванович залпом осушил стакан, бросил его на пол, вызвав одобрителный визгливый смех Елены Ивановны, и гаркнул – ещё! Пока она припадала к источнику живительной влаги, «Чёрный плащ» вытащил огромных размеров лопатник, и стал кормить аппарат пяти-тысячными купюрами.

– Ну? Лена, как будем играть?

– Вы сегодня в выигрыше, да? Пётр Иванович? (Елена стала совершать какие – то судорожные движения, извиваясь, словно змея перед факиром, правой рукой она схватилась за спинку стула, и зачем – то принялась её ожесточённо массировать, словно «Чёрный плащ» мог почувствовать её ласку через дерево и обивку).

– Да. На Добрынинской сорвал джек-пот, сегодня утром, шестьдесят тысяч.

– Ооо, какой вы везунчиик! – сорвалась на визг Елена Ивановна.

– Как играем?

– Автомат – то двадцатикопеечный, давайте по четыреста пятьдесят попробуем...

– Так много? Ты думаешь?

– Да...да...он даст...должен дать...вчера давал...

– Тебе виднее.

Через полчаса «Чёрный плащ» начал «таять», по его вискам потекли струйки пота, автомат жрал деньги, как удав ест мышей – не жуя, и ничего не возвращал назад. «Чёрный плащ» снизил ставку с тем же результатом, потихоньку он начал розоветь, словно стыдливая девушка, затем побурел, и набряк дурной кровью, словно гигантский комар. Он начал периодически выбегать из зала в магазин, откуда возвращался со стограммовыми, запечатанными стаканчиками с дешёвой водкой (теми самыми, которые ценители, любя, называют – «русский йогурт»). К семи часам вечера «Чёрный плащ» проиграл все выигранные утром деньги, пропотевшие седые волосы облепили мокрое лицо, рот открылся, обнажая прокуренные зубы, он непонимающе, и враждебно смотрел на автомат – этто чё? Лена...ты же обещала...а?

– Ничего я вам не обещала, вы же большой мальчик, Пётр Иванович, я просто сказала, что есть такая возможность, но моё предположение не подтвердилось... Может на двухрублёвом попробуем, он вчера очень хорошо давал...а, Пётр Иванович?

– Штооо? Да ты...ты...

Он сорвался с места, и побежал к выходу, зацепив полой плаща несколько стульев, он споткнулся и упал бы, если бы не уткнулся лицом в грудь охранника.

– Что же это такое, Коля? Что творится? Шестьдесят тысяч! И – ни хера! А?

– Бывает. Не везёт сегодня, повезёт завтра.

«Чёрный плащ» вперил в охранника безумную маслину правого глаза – тты...тты так думаешь? Правда?

Он некоторое время полежал на гостеприимной груди охранника, затем, обречённо махнул рукой, и стремительно выбежал из зала. Елена Ивановна машинально прошагала вдоль стен зала, один раз, другой, затем очнулась, и вошла в кассу.

– Иди в зал.

что мы находимся на поле боя в средневековой Японии, мы не работники зала игровых автоматов, а усталые самураи после хорошо выполненной работы. Закончив приводить свой меч в порядок, он ловко засунул его за пояс, и требовательно постучал полусогнутым указательным пальцем в стекло – откройте дверь, пожалуйста.

Охранник спокойно покачал головой – закрыто.

– Откройте! Я хочу поиграть.

– А что это у вас за поясом?

– Это? Ножичек, перочинный. Исключительно для самообороны. Откроете?

– Нет.

– Жаль.

Он постоял несколько минут, задумчиво рассматривая нас через стекло, запоминая черты наших лиц, чтобы не ошибиться при следующей встрече, затем развернулся (по – военному чётко, через левое плечо), и скрылся из поля зрения. Я недоумённо смотрел на охранника, тот пожал плечами, и выдохнул – как – то так, и так каждую ночь.

Остаток ночи прошёл спокойно, в восемь часов Елена Ивановна стала пересчитывать кассу, я наводил порядок в зале. Сменявшая нас пара операторов, обнаружила нехватку в кассе трёх тысяч рублей. Елена Ивановна билась в истерике, и обвиняла во всём меня – это он! Он! Он мне сразу не понравился, мутный какой –то, неискренний, а теперь выясняется, что он ещё и деньги из кассы ворует! Накрыл меня? Накрыл? Ну, ничего, я Сергею Борисовичу всё расскажу! Ты здесь долго не продержишься, понял?

Отупевший после бессонной ночи, я плохо понимал, что вообще происходит, и, не имея сил возражать, просто таранился на визжащую, словно циркулярная пила, Елену Ивановну. Сменявшая нас девочка – администратор, посмотрела на меня, и сказала – да это не он, чего ты орёшь? Посмотри на него! Он ничего не соображает. Вспомни лучше, может ты спешила куда – нибудь, не вбила в кассу, или отложила деньги второпях?

Деньги лежали под счётчиком купюр, Елена Ивановна положила их перед тем, как выйти в зал к «Чёрному плащу», и забыла про них. Когда всё выяснилось, она спокойно прошла мимо, не извиняясь, и не прощаясь. Плохо соображая после бессонной ночи, я приехал домой. Заспанная жена радостно улыбнулась – сколько нам папка чаевых принёс?

– Нисколько. Ещё и должен остался, полторы тысячи.

– Я так и знала, у тебя даже здесь не получается. Маменькин сынок.

5.

Дни между сменами пролетали очень быстро, необходимость снова возвращаться в зал игровых автоматов, давила на психику, на третий день я становился нервным и злым. Отношения с Еленой Ивановной, начавшиеся так многообещающе, развивались по восходящей. Мы практически не общались, изредка она сжегивала в мой адрес несколько слов, обильно приправленных шипяще – свистящими звуками. Я старался не донимать её без необходимости, но иногда любопытство брало верх над осторожностью.

– Елена Ивановна, а почему больше не видно этой девушки, ну, которую мы меняли в тот раз, когда я впервые вышел на смену?

– Ты про кого? Про Мышьку? Бедняжка. С кем работает, с кем и спитт...

Я слотнул подступившую слюну – правда?

– Да. У неё такая манера. Не мой стиль. У меня так – работа отдельно, личное – отдельно. Я облегчённо выдохнул в сторону.

– Она уволилась. Решшила Задовскому ультиматум поставить – или убираете Вову, или я увольняюсь. Задовский сказал – увольняйся. Теперь сидит дома, без работы, и без мужика, Андрюша её сразу бросил. А почему ты спрашиваешь? А? Аааа, она тебе понравилась! Ты такой же козёл, как и все остальные! Дура она! Дура!

– Понятно. Елена Ивановна, у меня ещё один вопрос. Как вы чаевые просите? Научите меня, а то я даже не знаю, как подступить...

– У тебя не получится, это целое искусство, я сама овладела не сразу. Предположим, выигрывает человек деньги, подходит к кассе, надо вот так расстерянно заморгать глазами, надуть губки, и жалобно сказать – на шоколадочку оставите?

Она часто заморгала лишёнными ресниц глазами, вытянула не накрашенные губы куриной гузкой, и стала похожа на фотографию из справочника по психопатологии.

– Вы правы, я так точно не смогу.

– То – то же, иди в зал!

В зале было пусто, ближе к полудню в зал, нелепо извиваясь, вошёл очень странный человечек. Причиной его необычных движений была изогнутость поясничного отдела позвоночника (формой он напоминал латинскую s), которая была следствием какой – то травмы, возможно перелома. Покрытое потом (несмотря на холод) лицо человечка было искорёжено гримасой боли, каждый шаг доставлял ему очевидные мучения. Я сразу вспомнил армейскую службу, и собаку, сбитую УАЗиком, она приползла к казарме, жалобно поскуливая, и волоча за собой безжизненно повисшие задние ноги. Острая жалость к инвалиду заставила меня услужливо подбежать к несчастному, посадить его на стул, и дать салфетку, для того, чтобы он мог вытереть вспотевший лоб.

– Здравствуйте! Что вам предложить – чай, кофе?

Человечек неторопливо вытер покрытый испариной лоб, глаза его быстро и внимательно обехали весь зал, и остановились на мне. Он угодливо улыбнулся – а коричневенького, или беленького в вашем заведении не подают?

– ?!

Охранник подсказал – он про коньяк и водку спрашивает.

– Именно так! Реплика достойная глубокого мыслителя!

– Играть будете?

– А для чего же я по – вашему пришёл в зал игровых автоматов, ведь это же зал игровых автоматов, я не ошибся?

– Не ошиблись.

– Сейчас отдышись, и сразу за игру!

Я дошёл до подсобки, и налил несчастному стакан коньяка. Глотнув живительной влаги, инвалид удовлетворённо крикнул – вот это другое дело! Это я понимаю! Сразу чувствуется умелая работа с клиентом! Нравится мне у вас молодые люди, очень нравится, а мне угодить трудно. Открытые, добрые, русские лица, радушный приём, гостеприимство, сейчас это большая редкость, все гонятся за деньгами, и забывают про элементарную вежливость – *diffugiunt cadis cum siccatis amici!* Переводите, студент!

–?!

– Да, нам давали лучшее образование, нежели сейчас, вы не знаете латыни?

– К стыду моему, нет, не знаю.

– Эту фразу можно перевести так: на обеде все соседи, скатерть со стола, и дружба сплыла! Гораций, мой любимый поэт. *Ad hoc*, юноша, как вы считаете – женский и мужской организм устроены одинаково?

– По – моему, ответ очевиден. Конечно, нет!

Инвалид отхлебнул из стакана, глаза его заблестели.

– Ошибка, мой юный друг! Заблуждение! И мужчинам, и женщинам природой дарованы отверстия, позволяющие получать космическое блаженство! «Живейшее из наших наслаждений, заканчивается судорогой почти болезненной!». *Ad verbum*. Как говорил классик. Вы согласны со мной, юноша?

– Нннет, не согласен.

– А, я уже слышу нотки сомнения в вашем голосе! Вы (как человек образованный, ведь вы – образованный человек?), конечно же, знаете, что все современные науки берут своё начало в древней Греции, Аристотель – основоположник логики, физики, риторики и *et cetera*. Утончённые, возвышенные эллины не считали любовь между мужчинами чем – то предосудительным и грязным. Вы же читали диалоги Платона, один из известнейших мудрецов древности Сократ испытывал отнюдь не платонические чувства по отношению к Алкивиаду, сожительство с мальчиками воспринималось как наставничество, упоительный союз опытного, мудрого мастера и юного, неопытного малыша, и всё это, конечно же, *omnium consensus* – с общего согласия. Таким образом, мы *Claris verbis* приходим к выводу, что любовь (не важно в каком обличье она нас настигает) ценна сама по себе, важно содержание отношений, а не их форма. Имеет ли объект любви форму прекрасного женского тела, или же мы пылаем страстью к атлетично сложенному, подобно греческому богу мужчине (вот вы, например, легко могли бы служить моделью для скульптора, *bona fide*, у вас такие трапециевидные, отлично прорисован трицепс, грудные... я могу продолжать описание *ad infinitum* – до бесконечности!

Охранник заинтересовано следил за нашей беседой, совершая ряд бессмысленных (на первый взгляд) движений (переставляя стулья, подвигая тумбочки, поправляя урны), он постепенно оказался на соседнем с инвалидом стуле, и очень вежливо спросил.

– На каком автомате играть будете?

– Что?

– Какие автоматы предпочитаете?

– Ну,... вот такие...

– Какие «вот такие»? «Атроника», «Новоматики», «Лубриканты», «Страпоны»?

– Я... мне надо для вдохновения ещё немножечко *ad verbum*, капельку коричневенького...

– Капельку дерьма?

– Фу, как грубо, и вообще, мой друг, почему вы прерываете нашу увлекательную беседу?

Мы с коллегой...

– Я тебе не друг. А он тебе не коллега, пидор ты крученный. Я, таких как ты, знаю. Говори точно – будешь играть?

– Я...ммм...в некотором роде сейчас...стеснён в денежных средствах,...а так бы...с большим удовольствием...

– Дохлёбывай и уёбывай, если не хочешь, чтобы я тебе ещё раз позвоночник сломал!

Инвалид допил остаток коньяка, оттопырив в сторону мизинец с длинным грязноватым ногтем, он чинно поставил стакан на тумбочку, и привстал, серые щёки его подёрнулись лёгким румянцем. Он попытался изобразить поклон, и похромал к выходу, стараясь сохранить чувство собственного достоинства. У выхода он остановился, поднял над головой руку (подражая Пушкину, запечатлённому в момент вдохновенного чтения стихов), и произнёс – не воспринимайте произошедшее как *casus belli*, мне кажется, что мы неправильно друг друга поняли. При любых обстоятельствах, надо сохранять *comitas gentium*. А с вами, юноша, я надеюсь, мы ещё встретимся, в более благоприятной обстановке.

После его ухода, охранник быстро подошёл к двери – ну, куда эта гнида теперь поползёт?

«Гнида» поползла в зал конкурирующей фирмы, и вышла оттуда буквально через пару минут.

– Молодцы! Они его быстрее раскусили, чем мы. Что смотришь? Ты так ничего и не понял?

– Чего я не понял?

– Вот ты наивный, да если бы не я, ты бы у него уже в рот брал, где – нибудь за углом...

– Чего? Ты чего несёшь? Ну, странный тип, согласен, латынь знает...

– «Латынь», он тебя разводит на тему педерастии, а ты ему в рот заглядываешь, словно малыш несмышлёный, тебе, сколько лет – то, парень?

– По – моему, ты всё преувеличиваешь, да, он аферист, и хотел нахаляву выпить, но, чтобы...

– Ты безнадёжен.

– А ты – гомофоб!

– Кто? Гомо...кто? Я в милиции двадцать лет отработал, а ты меня в пидоры записываешь?

– Гомо фоб – это тот, кто боится гомиков...

– Я их не боюсь, они мне омерзительны, а тебе, пора уже спуститься с небес на землю.

Я развёл руками, охранник улыбнулся, и сказал – не бойся, пока я рядом, с тобою ничего не случится. Пошли, я тебя финиками угощу.

Мы попили чаю с финиками, охранник всё время повторял – это ничего, ничего, всё приходит с опытом, постепенно поймёшь, я буду за тобой приглядывать.

После чаепития, охранник позвал меня к двери – во, смотри! Видишь цыганок?

– Вижу, и что?

– Сейчас сюда зайдут, следи за ними внимательно.

Цыганки (пять штук) разбрелись по залу, и начали играть, громко перекрикиваясь между собой. Периодически, то одна, то другая, просили снять выигранные деньги (для этого у меня были ключи от автоматов), я заметил, что суммы были некруглые – триста сорок пять рублей, сто восемьдесят девять...Затем они подходили к кассе за выигрышем, и, получив деньги, просили разменять пятисотрублёвую купюру на пять сотенных, получив сотенные, просили разменять их на полтинники, купюры быстро переходили из рук в руки, туда – сюда, туда – сюда. Охранник закрыл дверь на ключ, перегородил выход, и громко крикнул – всем стоять! Прекратили игру!

Цыганки бросились к выходу, громко галдя.

– Молчать! Лена! Проверь кассу!

Цыганки хватили охранника за рукава, пытались погладить по лицу, совали ему в ладонь мятые купюры, он был непреклонен.

– Ну? Посчитала?

- Не хватает полторы тысячи.
- Ну, что девушки? Решим проблему по – хорошему, или мне вызвать наряд?
- Чего ты хочешь?
- Деньги верните.
- Какие деньги?
- Полторы тысячи.
- Мы тут не причём, ваша кассирша работать не умеет...

Охранник вытащил рацию, нажал на кнопку, послышался треск радиопомех.

- Обыщи нас, что найдёшь – твоё.

– Я к тебе прикасаться не собираюсь, сейчас наряд приедет...

– Ладно, ладно, подавись – одна из цыганок бросила на пол две купюры, и зло цыкнула золотым зубом.

- Подними, и отнеси в кассу!

Самая молодая подняла деньги и положила их к окошечку кассы.

– Ещё раз увижу, пеняйте на себя! – охранник открыл дверь, цыганки быстро выскочили наружу, самая старшая остановилась, сплюнула на асфальт, и стала делать какие – то знаки руками, негромко шепча заклинание. Охранник расхохотался, демонстративно повернулся спиной, и пошёл заваривать себе чай. Я догнал его, и спросил – Коля, объяснишь, что случилось? Я не понял...

– Простой трюк. Они приходят, толпой, шумят, галдят, отвлекают внимание, часто снимают деньги, суммы некруглые, просят размена, деньги постоянно переходят из рук в руки, в один момент, пользуясь усталостью или невнимательностью кассира, она просит разменять деньги, держит купюру в руке, а затем убирает её, забирая размен, и так повторяется несколько раз. Результат – вы в минусе на полторы тысячи.

- Блин. Вот это да! А ты...как ты заметил?

– Давно здесь работаю. Это что, тут несколько месяцев назад гипнотизёр ходил,личный такой дядечка, поиграет немножко, подходит к кассе, поговорит, и уходит. Начинают закрывать смену, в кассе не хватает пятьдесят тысяч. Как? Что?

- Ну и?

– Он подходит к кассе, что – то негромко, уговаривающим тоном рассказывает, журчит – журчит, кассирша даже объяснить не смогла – что он ей говорил, она ничего не помнит, гипноз, мать его! А денег нет!

- И что, он так и ходит?

– Я его поймал за руку, при выдаче денег. Закрыл дверь в зал, попросил оператора назвать сумму, и сверил её с той, которую он получил, тут – то дяденька и поплыл, пытался взять меня за руку, в глаза заглядывал, но на меня гипноз не действует, поэтому...вызвал наряд, съёмки с камеры, чек, деньги, и – вот опять передо мной, параша, вышка, часовой... Короче, ты не переживай, я буду за тобой приглядывать.

- Это утешает. Теперь я спокоен за своё будущее.

6.

Телефон разрывался от злобы, рассыпая гневные трели, я высунул руку из – под одеяла, и притянул его к себе.

– А...алло?

– Завтра выходишь в Дегунино.

– И...вам не хворать, Сергей Борисович. А почему...

– И поаккуратнее там, это вам не Бибирево.

– А...я хотел спросить... – в ответ, трубка издевательски загудела короткими, насмешливыми сигналами.

Дегунинский зал находился на первом этаже двенадцатиэтажного дома. Я постучал в дверь, кокетливо украшенную табличкой с надписью «Закрыто». Очень быстро (не прошло и пяти минут) к двери подошёл мрачного вида кавказец, и показал рукой на табличку. Я постучал ещё раз, он открыл и недобро уставился в мою переносицу.

– Здрасьте.

Молчание.

– Я на смену.

Он неторопливо, растягивая слова, спросил – С какой точки? Какой ЧОП?

– ЧОП? Я не охранник, я оператор.

Он брезгливо поморщился, смерил меня всего взглядом, и немного посторонился, впуская меня внутрь. Зайдя в зал, я остановился, поражённый огромностью пространства. Находясь снаружи, невозможно было представить себе истинные размеры помещения. Два здоровенных холла, заставленных игровыми автоматами, бильярдные столы, стойка бара, кухня... Я прошёл прямо по коридору, повернул направо, и вошёл в открытую дверь кассы. Своим появлением я прервал разговор двух девушек – операторов.

– Привет. Продолжайте, не обращайтесь на меня внимания, я всё равно ничего не пойму.

Та, что сидела на стуле (темноволосая и крупная), вызывающе потянулась, выпятив мощные груди, и неспешно представилась – Аня, а ты...

– Илья.

– Откуда?

– Бибирево.

– С кем работал?

– С Еленой...Ивановной...

– С Ленкой – тянучкой? С этой дурой нудной? Её еще не уволили?

– Нет.

– Ну, и как тебе с ней работалось?

– По – разному.

– Чаевые большие?

– Иногда до тысячи доходило.

– Сколько? Тысяча? – она хрипло рассмеялась, – Юль, ты слышала? Тысяча!

– Это что, много?

– Много? Как вы там с голоду не передохли! Я за тысячу рублей жопу от стула не оторву!

Я слотнул обильно набежавшую слюну, представив процесс «отрывания» этой аппетитной жо...

– Ты о чём задумался, Илюша? О работе? Или о чём – то приятном?

– Да так...

– Здесь, мы меньше пятёрки со смены не уносим, это так себе – средний денёк, а в хорошие дни...

Вторая товарка стояла ко мне спиной, видны были вьющиеся светлые волосы, она нажимала какие – то кнопки на стене, часто сверяясь с листком, зажатым в левой руке. Аня опять потянулась, проследила мой взгляд, задержавшийся на её груди, и, понимающе улыбнувшись, продолжила начатый до моего прихода разговор.

– Так вот, я ванную приняла, ложусь в постельку, вся такая горячая, слааадкая...и тут мой Валя начинает ко мне приставать, водочка его накрыла, прёт как на кассу, а у него коряга толщиной с мою ногу – во! Он если пьяный, долго кончить не может, а вторую палочку, так вообще до утра бросать будет...

Я почувствовал, что румянец заливает лоб и щёки, и стал поворачиваться, для того, чтобы выйти из кассы.

– Юль, смотри, к нам скромника прислали. Илюша, а ты – не целочка, случаем?

– У меня трое детей.

– Во! Да ты этот...сперматозавр! Бык – осеменитель! А чего стесняешься, покраснел весь, а?

– Это я так...от удовольствия.

– Понятно. Так вот, я ему говорю, давай сзади, а то будешь елозить до утра...

В этот момент Юля закончила свои манипуляции, и, повернувшись ко мне, бросила подруге – прекращай мальчика в краску загонять, старая похабница, это я к твоим историям привыкла, а люди непосвящённые могут тебя неправильно понять.

Она протянула руку – Юлия!

Я машинально пожал её – Илья!

Юлия была невысока, стройна, точёные черты лица, аккуратный носик, высокий лоб, обрамлённый кудрями светлых волос.

– Давай Илюша, сразу будем учиться. Какая наша главная задача?

– Какая?

– Заработать чаевых, и сделать залу выручку, чтобы Сергей Борисович не дулся. Но! Цель номер один – обеспечить себя. Вот смотри, это счётчик от бильярдных столов, Сергей Борисович проверяет выручку, у него есть ключ, с помощью которого он может посмотреть как общую сумму, так и сумму за день. Всё замечательно, потому что у нас тоже есть ключ, с помощью которого мы (используя вот эту формулу – она потрясла исписанной цифрами бумажкой) обнуляем счётчик, и затем докручиваем его до нужной нам суммы. Процедура длинная, и тяжёлая, тебе придётся овладеть ей, если хочешь работать здесь, и зарабатывать нормальные деньги, а не копейки, как в Бибирево.

– «Нормальные деньги» – это сколько?

– Сам посчитай. В будние дни на бильярде выходит до девяти тысяч, в выходные больше. Сергей Борисовичу мы сдаём две, две с половиной. Остальное делим на троих. Плюс чаевые, а ещё (если повезёт, и в зале сидят лохи), нам может упасть джек-пот – знаешь, что это такое?

– Все автоматы представляют собой единую систему. В зависимости от количества играющих, и тех сумм, которые они вкладывают в автоматы, формируется своеобразный выигрышный фонд, обладателем которого может стать любой игрок...

Аня восхищённо присвистнула – во чешет, как по книге, сразу видно, кто – то прилежно учился на офисных занятиях!

Юля спокойно продолжила – молодец! Так вот, в зале висит табло, на котором отражается актуальная на данный момент сумма джек-пота, в случае, если он выпадает, раздаётся сигнал, наподобие гудка паровоза, звон, и на табло появляется информация: название зала, сумма выигрыша и номер автомата. Игроки приходят разные, есть такие кто в курсе, и следят за табло, но таких мало, основная масса – лохи, твоя задача будет такая – следить за табло, если на наш зал падает джек-пот, ты говоришь мне, я нахожу лоха с паспортом, мы оформляем на него выигрыш, даём ему пятихатку, остальное делим на пятерых.

– Почему на пятерых?
– Бильярд, и чаевые – это наше, охраны не касается, а вот украсть джек-пот без участия охранников затруднительно, они нас сдадут, если почуют обман, поэтому приходится с ними делиться. Понятно?

– Да. Много информации сразу, боюсь, не всё усвою...
– Не бойся, мы тебе поможем, ты нам, все будем при деньгах.
– А...это законно...ну, бильярд...джек-пот...?
– Сам как думаешь?
– Думаю, что нет.
– Но...– Аня перебила Юлю – зубов бояться – в рот не давать! Хочешь бабок – придётся рискнуть! Ты же не из – за зарплаты сюда шёл, правильно? Прравильно, поэтому совесть и страх засунь туда, куда солнце не заглядывает, понял?
– Ппонял.

– У нас капитализм, человек человеку...
– Волк?
– ...человек человеку крыса! Каждый, кто приходит сюда играть – больной человек...
– Не стыдно обкрадывать больных?
– Вот же ты наивный...мы не обкрадываем, мы облегчаем их участь, они всё равно проигрывают эти деньги, бездарно всадят их в автомат, в бездушную железяку, кому от этого польза? А так, мы потратим эти денежки на содержание наших детишек, это же благородное дело, согласен? Мы всего лишь изымаем часть, снимаем сливки с нетрудовых доходов...фирма не является собственником автоматов, она их арендует, и зарабатывает на людских слабостях и пороках...

– Интересная философия, я правильно понял – фирма занимается аморальным делом, поэтому – ограбить её это не грех, игроки – люди больные, и тратят свои деньги бездарно, а нам надо кормить семьи, поэтому, обдурить этих лохов – дело святое...

– Молодчинка! Ты всё правильно понял! Тот, кто приходит играть – обречён! Обыграть систему невозможно, она всё равно останется в выигрыше, автоматы имеют программное обеспечение, настроенное на определённый процент отдачи, обмануть их нельзя. Те, кто приходит сюда, хотят быть обманутыми, почему бы нам не воспользоваться этим обстоятельством? Ну, ты согласен?

– Ммм...не знаю, как – то всё это ...нечистоплотно, что ли...
– Надо же, какой моралист! Иди в дом престарелых, засранные подгузники меняй, это морально, правда?

– Почему, сразу в дом престарелых?
– Чего ты нам мораль тут читаешь? Хочешь сказать, что мы гниды? Так что ли?
– Да нет...
– Все так живут, не наебёшь – не проживёшь! Торгаши обвешивают, менты с приезжих бабки трясут, за прописку, врачи за операции, учителя за оценки с родителей бабло тянут, министры госсобственность распродают – система такая, хочешь выжить – обманывай!

– Ну да, да, не мы такие – время такое, слыхал я такое, вот только ...
– Вот видишь, ты же всё понимаешь, чего целку из себя строишь?

Юля, улыбаясь, выслушала наш диалог, и подвела итог – У вас будет время поговорить, а сейчас давайте смену принимать...

7.

Ровно в 9 – 00 двери зала затряслись от мощных ударов, кто – то дубасил руками, ногами, и истошно кричал у входа в зал. На мой невысказанный вопрос, Аня довольно усмехнулась – я же тебе говорю, это болезнь, я даже название в журнале читала...му...мудо...мания, что ли?

– Лудомания, это на латыни. Homo ludens – человек играющий, это название книги Хейзинги...

– Ты поменьше про гомо рассказывай, здесь ребята не такие, не поймут.

Дверь трещала от напора.

– Что происходит?

– Это больной один, приходит к открытию зала, и не дай Боже опоздать хоть на минуту, начинает бесноваться, и уходит в 8 часов утра. Не ест ничего, сутки сидит у автомата, пьёт кофе, курит и играет, ноги вокруг стула закрутит...

– Как это?

– Шас увидишь, Феликс, открывай!

Охранник (ещё более мрачный, чем утром) провернул ключ в замке, в зал ворвался длиннющий субъект в развевающихся одеждах, выхватив Аню взглядом, он взвизгнул – две минуты десятого! Я буду жаловаться Сергею Борисовичу! По какому праву вы задерживаете открытие зала? Что за безобразие? Чему вас учат? Вы оказываете услуги, вот и оказывайте их качественно! Клиент всегда прав! Я прав!

В его глазах плескалось самое настоящее безумие, крошечные зрачки спрятались в мутно – серой радужке, белки глаз налились кровью, губы были покрыты запёкшейся коркой. Он бурно выплёвывал слова, тяжело дыша в промежутках.

– Куда вы так спешите, впереди целые сутки!

– Я пятнадцать тысяч в автомат всадил! Он же должен мне деньги вернуть? Должен! Я не хочу, чтобы кто –нибудь другой сел за МОЙ автомат, и выиграл, это – мои деньги!

Он рванулся в зал, плюхнулся на стул, громко выдохнул, и оплёл ножки стула своими огромными ногами, складывалось ощущение, что в его ногах отсутствовали кости. Мне сразу вспомнились фильмы о питонах, удавах, и прочих пресмыкающихся. Человек был из породы гуттаперчевых. Я подошёл к Ане и негромко прошептал – как лиана в джунглях, может обвиться вокруг чего угодно, так и этот...

– Кофе! – «Лиана» не оглядываясь, выкрикнул магическое слово, уверенный, что его заказ сразу же выполнят.

– Принести ему кофе?

– Не спеши. Хамов надо учить. Пусть нормально попросит.

– Кофе!

– ?!

– Кофе!!! – в его голосе появились истеричные нотки, он окинул нас безумным взглядом – Кофе!!!

Аня неторопливо подошла к соседнему автомату, смахнула невидимые пылинки, и обратилась к «Лиане».

– Уважаемый как – вас – там, в нашем заведении не принято хамить операторам, мы вам – не официанты, и не обязаны подавать вам напитки. Если вы хотите, чтобы вам предоставили напиток, вам следует вежливо обратиться к одному из операторов по имени (на груди у нас висят бэйджики с именами, вы можете прочитать имя, или найти для этого того, кто умеет читать), нашими правилами предусмотрено вежливое, уважительное общение, если же вас не устраивают наши правила, вы можете покинуть зал, охранники покажут вам, где находится выход.

«Лиана» зыркнул на бэйджик, уютно разместившийся на объёмной Аниной груди, и издевательским тоном бросил – многоуважаемая Аня, будьте так добры, приготовьте мне, пожалуйста, чашечку вашего лучшего кофе, со сливками и двумя кусочками сахара!

– Мне не нравится ваш тон! Феликс! Клиент спрашивает, где тут выход!

Мрачный Феликс вышел из соседнего зала, зловеще улыбаясь.

«Лиана» испуганно посмотрел на охранника – да что с вами со всеми? Я же постоянный клиент! Что за отношение? Тяжело чашечку кофе сделать? Пожалуйста. – последнее слово он произнёс с просящей интонацией.

– Вот так лучше! – Аня неспешно дошла до кулера, налила пластиковый стакан кипятку, высыпала туда кофе из пакетика, и бросила два куска сахара – сливок нет! Не завезли – с!

– И на том спасибо!

К середине дня «Лиана» отыграл проигранные пятнадцать тысяч, и выиграл ещё пять, сверху. Он попросил снять ему выигрыш. Я подошёл к кассе – двадцать тысяч на рублёвом. Крупный выигрыш! Он оставит нам на чай?

– Он никогда не оставляет. Возьми ключи, сними деньги с автоматов.

– Чего, в кассе двадцати тысяч нет?

– Не твоё дело, снимай.

Я взял ключи, подозвал охранника, и стал вытаскивать деньги из металлических боксов, и перекладывать их в карман жилетки (что было строжайше запрещено правилами, но экономило время). Собрав деньги с нескольких автоматов, я передал их в кассу. Всё это время, «Лиана» нетерпеливо ёрзал у окошечка – Ну? Готово? Где деньги?

Юля протянула в окошечко огромную, пухлую стопку засаленных десятирублёвых купюр, и ядовитым тоном произнесла – поздравляю! Вот ваш выигрыш, пересчитайте, пожалуйста.

«Лиана» ошалело вылупил глаза – это что? Он схватил деньги, и тут же выронил их, показалось, что они обожгли ему руки – двадцать тысяч? Десятками? Вы чего? С ума посходили? Дайте мне нормальные деньги!

Юля сладко заулыбалась, и нудным голосом произнесла – купюры Банка России номиналом в десять рублей имеют хождение наравне с купюрами номиналом в пятьдесят, сто, пятьсот, тысяча, и пять тысяч рублей, и обязательны для приёма во всех...

– Понятно! Но мне не нужны десятирублевки, дайте мне крупными деньгами, я хочу играть дальше!

– К моему глубокому сожалению, мы не имеем возможности выдать ваш выигрыш другими купюрами, по причине их отсутствия.

– Какое отсутствие? Снимите с МОЕГО автомата, я туда пятнадцать тысяч всадил!

– Большое спасибо за ценные указания, но я сама решаю, с какого автомата мне производить выемку денег, и если я говорю вам, что такой возможности сейчас нет, значит – её нет.

– Вы издеваетесь? Я не возьму эти деньги!

– Это ваше право.

«Лиана» схватил стопку десятков двумя руками, подержал её (будто бы пытаясь определить её вес), бросил на стойку, сделал несколько шагов к выходу, затем вернулся, схватил деньги, и яростно размахивая стопкой, помчался к выходу, громко матерясь. Несколько купюр вывалились из его рук, и разлетелись по залу. Аня тщательно собрала рассыпавшиеся деньги, подмигнула мне, и бархатным голосом произнесла – курочка по зёрнышку клюет. Иди, посмотри, как там дела на бильярде.

– На что именно я должен смотреть?

– Ты так и не понял, почему тебя сюда перевели? Не только тебя, но и Андрюшу, и Володю, и других мальчиков?

– Нет, не понял.

– Тебе не объяснили? Правда? Это самая опасная точка, сюда ходят играть беспредельщики. На прошлой неделе кучка уродов играла на бильярде, играла долго, до закрытия смены. В тот момент, когда их попросили покинуть зал, они избили двух операторов, ударили охранника бутылкой по голове, и ушли. Поэтому Сергей Борисович перевёл сюда мальчишек – операторов, и усилил охрану, вместо одного охранника, теперь заступает трое. Теперь ты понимаешь, куда попал? Иди и смотри!

Я дошёл до бильярдных столов, несколько человек азартно гоняли шары, здесь же, на кожаных диванах спали два охранника, всё было достаточно благопристойно, поэтому я вернулся к кассе. Из окошечка высунулась изящная женская ручка, и поманила меня к себе. Я зашёл в кассу.

– Илюша, смотри сюда.

Юля нажала кроваво – красным ногтем на кнопку, и на табло высветились цифры – 89 – знаешь, что это?

– Я думаю, что это сумма?

– Правильно, они уже наиграли на 89 рублей. Заплатили 100 .Чаевых сегодня нет, поэтому будем зарабатывать по – другому, нажми на тумблер.

Я послушно выполнил указание, над бильярдным столом погас свет. К окошку быстро подбежал паренёк, и развязным голосом произнёс – э, командир, а чё, время уже вышло?

– Да.

– Блин, а мне казалось, что у нас ещё десять минут?

– Показалось.

– Да? Точно? Ты не ошибся? Мы в половине начали, а сейчас только двадцать минут!

– Брателло, я здесь не при чём.

– А, это она выключила? – парень ткнул пальцем в сторону Юли, напряжённо прислушивающейся к нашему разговору.

– Система автоматическая, выключается сама, как только время заканчивается, электроника! Я даже не притрагиваюсь, там таймер стоит.

– Чудеса, бля. Ладно, на ещё полтинничек, на полчаса продли – он бросил на стойку мятую купюру, и пошёл по направлению к бильярдному столу.

Юля лёгким движением прикоснулась к моему плечу – молодец! Мне понравилось. Теперь смотри сюда – она повернулась к кассе, – предположим, человек выигрывает пять тысяч триста восемьдесят рублей, и подходит забирать выигрыш, что ты будешь делать?

– Отдам ему деньги.

– Сколько?

– Пять тысяч триста восемьдесят рублей. Правильно?

– Нет. Не правильно. Ты отдаёшь ему пять тысяч триста. Хвостик срезаешь в нашу пользу.

– А если...

– А если он начнёт возмущаться, ты (мило улыбаясь, ведь ты же умеешь мило улыбаться, ты – отец троих детей?) извинишься, и скажешь ему, что в кассе нет мелочи.

– А если он будет настаивать?

– Позовёшь меня, я решу эту проблему. Люди редко задумываются о таких мелочах, особенно если выигрыш крупный. Ну, ты понял, как мы работаем?

– Мда...кажется, понял. Я хотел спросить – как вы просите чаевые? Мне кажется, что я не смогу...

– Это почему?

– Ну,...это же стыдно...что – типа попрошайничества – подайте убогому...

– Слушай, а ты вообще зарабатывать хочешь? Не стыдно тебе, что твои дети будут голодными сидеть? А?

– ?!

– Забудь про стыд. Деньги и стыд – понятия несовместимые!

8.

– Илюша, иди сюда, – Юля призывно махала мне рукой – видишь, у входа клиент сидит? У входа, за двухрублёвым автоматом, сидел совершенно пьяный мужчина в хорошо сшитом костюме. Дорогой галстук был щегольски, заброшен на плечо, пуговицы на рубашке растёгнуты, модными туфлями он топтал стильный, кожаный портфель, небрежно брошенный на пол.

– Вижу.

– У него набито уже три с лишним тысячи кредитов, а автомат – то двухрублёвый! Иди, поговори с ним, водочки ему предложи...

– А ему не хватит?

– Илюш, ты чего? Политуру на завтрак употреблял? Иди!

Я подошёл к клиенту, и вежливо поздоровался – Здравствуйте!

Он с трудом поднял на меня остекленевшие глаза – уммм?

– Хотите что –нибудь выпить?

– Угуммм...

– Водочки?

– Амम्म...

Я поднёс ему заранее подготовленный пластиковый стаканчик, мужчина пьяно ослабился и попытался обнять меня за шею, я убрал его руку, и помог донести стакан до рта. Он не смог выпить и половины, стакан выпал из ослабшей руки, изо рта потекла серая слюна, видимо, этот стакан сыграл роль контрольного выстрела. Клиент уронил голову на выставленные вперёд руки, и стал заваливаться в бок. Юля была тут как тут, заботливым голосом она прокричала – охрана! Ребята! Выведите его! Он совершенно пьян! У нас будут проблемы! Феликс!

Феликс обжёг меня ненавидящим взглядом, и потащил упившегося клиента на улицу. Юля быстро вставила ключ, и сняла с автомата висевшие на нём кредиты. Через два часа мужчина вернулся в зал, сильно пошатываясь, правый рукав пиджака был оторван, разноцветные нити воинственно торчали вверх из разорванного плеча. Я вспомнил книжки про Чингачкука, бахрома походила на головные уборы североамериканских индейцев.

– Здравствуйте.

– Здравссье, а мы... разве не виделись? Я у... вас... сегодня уже был, кажется?

– Никак нет. Не были.

– Ммм,... а мне казалось... ну, ладно.

Он уселся за тот же самый автомат, некоторое время он тупо рассматривал машину, затем сделал рукой движение, каким обычно отгоняют комаров, или наваждение, достал из кармана пяти тысячную купюру, вставил в автомат, и начал игру.

– Пить что –нибудь будете?

– Ааа... да... водку.

Выпив стакан, клиент впал в анабиоз, и рухнул со стула. Неслышно подошедший Феликс, негромко прохрипел – хорошие часы, а дураку достались.

Феликс присел, снял дорогие с виду часы с запястья спящего, и натянул на своё – хорошо смотрятся, а?

– Хорошо.

Охранник схватил клиента за руки, и выволок из зала, я постоял пару минут, мучительно размышляя на тему: насколько это морально – грабить дважды одного и того же человека? Юля вырвала меня из этих раздумий.

– О чём мечтаешь?

– О тебе, Юлечка.

– Что?

– Шучу. Конечно же, о деньгах.

– О каких деньгах? Больших, или не очень?

– Да вот об этих, – я мотнул головой в сторону автомата.

– Чьи это?

– Того мужика, который с утра напился, и ушёл, оставив кредиты.

– Так я же...я же их сняла...

– Он вернулся, и я опять ему налил, и результат – он в ауте.

– Мо – ло – дец! Ты начинаешь понимать нашу работу! – она привстала на цыпочки, и чмокнула меня в нос – муа! Мурлыкая от удовольствия, она сняла кредиты с автомата, и ушла в кассу танцующей походкой. Я присел за стойкой бара, и стал наблюдать за действиями бармена. Бармен – здоровенная, румяная тётка с вытатуированной на щеке бабочкой, энергично протирала бокалы. Закончив с наведением марафета в баре, она задорно подмигнула мне, и неожиданно низким голосом произнесла – ну, чего тебе сделать для поднятия настроения? Секс на пляже?

– Где ты тут видишь пляж? Сплошная помойка.

– Дурачок! Это коктейль такой, «Sex on the beach» – «секс на пляже»: лёд, клюквенный сок, ананасовый, персиковый ликёр и водочка. Будешь? Красиво оформлю, бокал с зонтиком, запотевший такой, а?

– Здорово продаёшь. но нет, спасибо, не хочу...

Громко хлопнула дверь, на соседний со мной стул грузно плюхнулся здоровенный, потный мужик. Он шумно выдохнул, вытянул правую руку, схватил барменшу за воротник жилетки, и прохрипел:

– Мать, мне твоя помощь нужна.

Барменша возмущённо пробасила – ты чего, урод, грабли убери...чё тебе надо?

Мужик вытянул вперёд левую руку с зажатым в ней Чупа – чупсом – конфетку разверни, а? Сам не могу, пальцы не слушаются...

Барменша возмущённо заверещала – отпусти, гад! Илья, помоги!

Я схватил мужика за руки, и...повис на них – они представляли собой монолит, словно отлиты из какого – то металла, мои попытки оторвать его руки от барменши, не произвели на него никакого впечатления, он просто стряхнул меня на пол, одним неуловимым движением. Я вскочил с пола, и попытался схватить его за горло, не выпуская из правой руки жилетки барменши, левой он схватил меня за лицо, и толкнул. Я отлетел к стене, и ударился спиной о зеркало.

– Феликс! Мальчики! На помощь! Убивают! – барменша вопила громким басом, словно раненный в задницу слон. Из бильярдной выскочил Феликс, схватившись за шею мужика сзади, он повис на нём всем своим весом, проводя удушающий приём. Ещё один охранник (здоровенный, с гладко выбритой головой) завладел левой рукой дебошира, пытаясь провести болевой приём, третий охранник ловко ударил ногой под колено здоровяка, тот обмяк и завалился на пол. Дальнейшая борьба проходила в партере. Ошеломлённый происходящим, я смотрел на эту возню, припоминая, что уже где – то видел такое. Огромное существо, звериная сила, много нападающих, безуспешно пытающихся его одолеть...Мать твою, да это же сцена из охоты на медведя! Он – медведь, охранники – собаки...Охранники одержали верх (в том смысле, что им удалось обездвигнуть гиганта, и поставить его вертикально), мужик смотрел на перепуганную барменшу секунд сорок, затем неспешно произнёс – ты, конечно же, не Венера, но...в тебе есть что – то венерическое...

Затем он повернул лицо в мою сторону, и уставился на меня злыми, пьяными глазами, белки которых были неестественно белого цвета, будто бы вываренные в кипятке.

– Тебе пиздец, сучонок, ходи теперь аккуратнее...

Охранники выволокли любителя Чупа – чупсов на улицу, я нашупал у себя на затылке здоровую, увеличивающуюся в размерах шишку – свидание с зеркалом не прошло бесследно, барменша схватила натёртый до блеска стакан, и стала ожесточённо, с хрустом протирать. Феликс (подобно индейцу, перемещавшийся бесшумно) негромко прохрипел за моим левым плечом – с праздничком тебя, ты больше не целка...

До конца смены, оставалось каких – то десять часов...

9.

Домой я дополз полностью обессиленный (шишка на затылке, нервы, бессонная ночь), складывалось ощущение, что я нахожусь внутри барокамеры – очертания предметов расплывались, звуки доходили искажёнными, ноги налились приятной, свинцовой усталостью. Наскоро перекусив, я стал укладываться спать, спугнул с кровати радостно скачущих детей, и вот, вот она, родная – подушечка! Я сладостно припал к ней щекой, о блаженство...

– Где деньги? – жена наморщила покрытый псориазом нос – деньги где?

– Там в портфеле...да не трать все сразу, растяни на три дня...

Я начал проваливаться в сладкую истому, и тут...

– Ах ты, урод! Что это такое? – по моей левой щеке больно хлестнуло что – то плотное, я приоткрыл левый глаз (правый закрыт, с таким расчётом, что я сейчас снова погружусь в сон), и разочарованно застонал. Жена размахивала стопкой порно – журналов, купленных мною месяцев шесть назад. Я спрятал их в боковой карман портфеля, и забыл про них.

– Дрочишь? На глянцевого сучка? Меня тебе мало? То – то я думаю, что это он ко мне не пристаёт уже несколько месяцев? Импотент хренов, ты думаешь от тебя столько радости? От твоего маленького стручка?

Наша младшенькая (Лиля) стояла сзади матери, держась за её правую ногу, она усиленно сосала грязный кулачок, и зачарованно повторила – ствучка...ствучка? Да, мама?

– Вот смотри доча, папка твой все деньги на журналы с голыми тётками спускает, гоняет стручок свой крошечный...– она проделала правой рукой соответствующее движение. Лиля повторила его и громко сказала – ганяет ствучок...

– Заделал мне три прицепа, а теперь на журнальных шлюх перешёл, онанист херов!

– Хегов! – Лиля победительно смотрела на меня.

– Ну, чего ты несёшь? Чему ты учишь ребёнка?

– Зачем тебе эта порнуха?

– Ну,...я же должен сравнивать их с тобою...и ежедневно убеждаться в том, что ты намного лучше, ты самая прекрасна...

– Заткниись! – она истерично завизжала, – идиот! Я на месяц лишаю тебя пизды и кухни! Пусть твоя шизанутая мамаша тебя кормит! Полуфабрикатами! Дрочи и дальше!

– Двачи и далфе! – Лиля приветственно помахала мне ручкой, и убежала вслед за матерью...

Три дня между сменами жена презрительно молчала, а я не делал попыток её переубедить, понимая, что это бесполезно, лучшим вариантом в такой ситуации является терпеливое ожидание.

Приехав на смену, я застал любопытную картину. Несмотря на то, что уже начался пере-сменок, в зале находился клиент. Здоровенный кавказец сидел за автоматом, горделиво уткнув правую руку в бок, и закинув ноги на тумбочку. Рядом с ним стояли девочки из предыдущей смены, и просящим тоном уговаривали его уйти. Он отмахивался от них, как от назойливых мух, изредка порывивая – До тех пор, пока он (следовал указующий жест толстым пальцем в сторону автомата) не вернёт мне деньги, я отсюда не уйду! Я у вас проиграл четыре тысячи! Четыре! Это очень много! Вон в магазине, я тысячу всадил – три выиграл, а у вас? Эээ!

В зал вошла Юля, увидев сидящего за автоматом клиента, она резко остановилась.

– Это что такое?

Девочка – администратор из предыдущей смены, часто затараторила.

– Юлечка, принимай смену, а мы пошли, наше рабочее время закончилось, теперь это ваша проблема!

– Стоп! Светочка. Я не буду принимать смену до тех пор, пока здесь находится клиент. Если ты не наведёшь порядок в зале, я позвоню Сергею Борисовичу, и поставлю его в известность о том, что отказываюсь принимать смену, поскольку в зале находятся посторонние.

– Юля, но ты же меня подставляешь...

– Нет, это ты себя подставляешь. В твоём распоряжении три охранника, пусть наведут здесь порядок.

– Они уже ушли.

– Как ушли? Смена ещё не кончилась?

– Они сказали, что им на другую точку надо успеть, и ушли пораньше...

– А наши охранники здесь?

– Я не знаю, по – моему, здесь...

Юля скрылась в бильярдном зале, и вернулась, кипя от злости. Света подбежала к ней – ну, что они говорят?

– Они говорят, что ты – «тупая лохушка, и тебе надо искать другую работу», это близко к тексту, я опустила самые неприятные для тебя слова.

Света покраснела, и сконфуженно отошла в сторону. Из бильярдной неспешно вышел Феликс с двумя товарищами, они обступили гордого игрока полукругом.

– Уважаемый, покиньте зал, пожалуйста, через сорок пять минут закончится пересменок, вы сможете прийти и продолжить игру.

– Эссс! Никто не будет мне указывать, что мне делать, ни ты, ни другой шакал!

– Илья! Сними кредиты!

Я подошёл к автомату, игрок пытался закрыть гнездо для ключа рукой – эээ, я не просил снимать, я буду играть дальше!

Феликс откинул руку клиента в сторону – снимай!

Я быстро нажал на кнопку на автомате, и провернул ключ, буйный игрок пытался схватить меня за жилетку, но охранники уже повисли на нём втроём. Он схватился за автомат, охранники тянули его к выходу, в какой – то момент он повис параллельно полу, из – под майки вывалилось огромное волосатое брюхо. Феликс поочерёдно оторвал пальцы игрока от автомата, после чего его торжественно вынесли на крыльцо, и довольно бесцеремонно швырнули на землю. Приземление было болезненным, мужчина скривился от боли, затем вскочил и бросился в атаку на входную дверь, и стал ожесточённо пинать её ногами. Феликс вышел на крыльцо, прислонился к двери спиной, и неспешно закурил. «Подкидьш» бросился к нему, бешено жестикулируя, Феликс вытащил из кармана телефон, и стал невозмутимо читать сообщения, не обращая внимания на беснующегося перед ним мужчину. Через пару минут всё было кончено, вволю намахавшись руками, и, плюнув на землю перед крыльцом, игрок ушёл, а Феликс неспешно вернулся в зал.

10.

В день, перед заступлением на смену, мне позвонил управляющий. Он был тактичен (впрочем, как всегда), не здороваясь, и не извиняясь за ранний звонок (часы показывали половину седьмого), он сообщил мне, что я выхожу с новыми напарниками, и бросил трубку.

Дверь в зал мне открыл высокий, коротко стриженный мужчина в чёрном костюме. Он свирепо сжал мою правую руку, рванул её на себя, и буквально втащил меня в зал. Выпучив глаза, он громко прокричал, – Витя! А ты?

– Я? Я не Витя.

– Да эт понятно, имя у тебя есть?

– Илья.

– Здорово, Илья! Будем работать вместе! – он ещё сильнее сжал мою руку, и начал трясти её вверх – вниз. Я резко дёрнул руку на себя, освободил её, и подул на слипшиеся пальцы. Рассматривая руку на предмет механических повреждений, я услышал чей – то негромкий смех. У барной стойки стояла невысокая женщина, и поощрительно смеялась, глядя на мои усилия. Заметив мой взгляд, она шагнула вперёд, и протянула мне узенькую ладонь, – Алла!

Я осторожно сжал её руку, – Илья.

Она взяла меня под руку, и повела к кассе. Пока мы шли, я потихоньку её разглядывал. На её голове было воздвигнуто сложное сооружение из завитых, вытравленных химией волос. Корни волос были чёрные, из чего я сделал вывод, что передо мной ненатуральная блонди. Она что – то быстро говорила, а я продолжал экскурсию по её внешности. Крючковатый нос хищно нависал над ненатурально большими, ярко – красными губами, улыбка обнажала забор из разнокалиберных зубов, похожих на пытающихся идти строем, пьяных солдат. Завершал картину задорно торчащий вперёд подбородок. Если брать по отдельности каждый элемент, то получалась жуткая картина: передо мной была какая – то баба Яга. К счастью, человек не сводится к отдельным элементам, неповторимое своеобразие Аллы состояло в том, что в совокупности своих уродливых элементов, она представляла совершенно очаровательной женщиной. Она была энергична, весела, остра на язык, умела найти общий язык с любым (почти любым) клиентом, а кроме этого обладала соблазнительной, упругой грудью, и парой аппетитных, округлых ножек, выставленных на всеобщее обозрение в любое время года. Через пять минут после нашего знакомства, я слушал её с широко открытым ртом.

– ...мы же с тобой коллеги, а? Илюш?

Меня уже давно так не называли, это ласковое «Илюш» всколыхнуло в моей душе какие – то ностальгические струны, я почувствовал, как по телу разливается тепло, голова начинает мягко кружиться – как же мало мне надо для счастья...

– ...я тоже в школе работала, преподавала узбекскую литературу...

– Ого! А ты что – специально училась... ну... для того, чтобы преподавать эту... узбекскую литературу?

– Да. Мои любимые авторы: Худойбатон Толстобубонов, Шайтан Автогенов, и мой любимчик – Бешбармак Шаурмиев! Читал?

– Нет. Впервые слышу.

– Вот! А зря! Худойбатон – автор эпической поэмы «Любовь сахарной тростинки к комбайну», очень романтическая история, очень! Шайтан сочинил эпическую песнь «Суслика возвращающегося в родную нору», а Бешбармак (мой любичик) создал грандиозный эпос «Хай и Бай», или (как вариант: «Хай, который поднял Бай»).

– Ты... ты серьёзно?

– Вполне. Илюш, ты чего? Новенький что – ли? Мой сын так говорит в случае, если человек несёт откровенную ересь, – ты что? Новенький что – ли? Да я не знаю ни одного узбекского

поэта, просто предложили работу в школе с преподаванием ряда предметов на узбекском, я и согласилась. Придумала поэтов этих, вспомнила как мне подружка (казашка) рассказывала, что они Змея Горыныча в шутку называют Автоген – батыр. Так родился Шайтан Автогенов. Традиционное блюдо у казахов – бешбармак, не спрашивай меня – что это такое, я не знаю. Но, название прикольное, вот я и соединила его с шаурмой, получился Бешбармак Шаурмиев...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.